

ТАВТОЛОГИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ С МЕСТОИМЕНИЕМ «Я»*

В докладе рассматриваются тавтологические конструкции типа $X \text{ corula } X$, в которых X – личное местоимение «я». Будучи разновидностью тавтологий, устанавливающих тождество, в русском языке они могут иметь модели «я есть я», «я это я», возможны также варианты с отрицанием «я не я» и др., см. (1-2).

(1) *Он хотел убедиться, что я есть я и что я определенным образом отреагирую на какие-то его слова.* [Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Жук в муравейнике (1979)]

(2) *Советы странные: «забуди» и так далее. Дурь какая-то, я не я и интервью не знаю чья. И ужимки несолидные. Вы меня держите, как ревнивый любовник.* [М. Баконина. Школа двойников (2000)]

Тавтологии традиционно относят к «аномалиям речевой деятельности» [Булыгина, Шмелев 1937:437] также общепринятым является тезис о влиянии контекста на распознавание адресатом тех коннотаций, которые закладывает в тавтологическое высказывание говорящий [Апресян 1995; Падучева 2004:107; Вилинбахова, Копотев 2017]. Тем не менее, заполнение слотов тавтологий, устанавливающих тождество, именно личным местоимением должно иметь специфику, обусловленную его семантикой. При анализе конструкции типа «работа есть работа», мы можем опираться и на интуицию, и на ассоциативные связи, и на данные словарей. Местоимение не оставляет нам таких возможностей. Это обусловлено «эгоцентризмом» системы личных местоимений [Норман 2017:3] Конструкции с «я» самым непосредственным образом связаны с фиксацией внимания говорящего на его идентичности, см. [Glover 1988; Shoemaker 2008]

На основе материалов, извлеченных из основного корпуса Национального корпуса русского языка [НКРЯ] в мае 2020 года было установлено, что варианты конструкции $X \text{ есть } X$ и $X \text{ это } X$ имеют следующие значения: а) реакция на опознание (выделение из множества других и отождествление его с кем-л., известным прежде, см. (1); б) самоидентификация через противопоставления себя чужой оценке, окружающим или социуму вообще; признание своих качеств, дающих право на некие действия, см. (3); в) разграничение «нереального – реального», см. (4)

(3)— *Я — есть я, — произнесла Джесси, вставая, так как кончила думать, — я — сама, сама собой есть, и буду, какая есть!* [А. С. Грин. Джесси и Моргана (1928)]

(4) *Я не должна сомневаться, что я это — я.* [В. Я. Брюсов. В зеркале (1903)]

Конструкция « X не X » может выражать: а) отрицание своего участия в действии или отказ от возлагаемой ответственности, см. (2); б) решимость в формулах обещания (божбы), см. (5); в) идею утраты прежней идентичности, в

* Исследование поддержано Российским научным фондом, проект № 19-78-10048, выполняемый в Санкт-Петербургском государственном университете.

том числе реальное или предполагаемое изменение своего «я», перехода в иное состояние, см. (6). В последнюю группу входит оборот «без чего (кого)-л. я не я» с указанием обстоятельств, при которых возможна утрата идентичности.

(5) *Но я не я буду, если поддамся какому-то животному чувству!* [Д. Гусев. По морям, по волнам // «Homes & Gardens», 2002.05.15]

(6) *Я не я, а труп с квалифицированной сиделкой.* [А. Битов. Мое сегодня, 29 июля 1962 года (1963)]

При сопоставлении рассматриваемых конструкций с тавтологиями с существительными было установлено, что здесь не применим тезис о противопоставлении видового и родового [Wierzbicka 1987: 95–114], а также тезис об общих знаниях коммуникантов о свойствах предмета речи, поскольку для тавтологий с местоимением «Я», не всегда ясно, какие типичные свойства имеет в виду говорящий.

Для прагматически перегруженного X-а, выраженного местоимением 1 лица, включенность в сетку отношений «конкретное-абстрактное, положительное-отрицательное, частное-общее» связана с особенностями ситуативного переживания идентичности (диахронной/ синхронной, оплаченной/ неоплаченной и т.д.). Закрытость и неverifiedируемость транслируемых коннотаций ограничивают спектр возможных инференций. Таким образом, частеречная специфика местоимения более существенна, чем функция конструкции как таковой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Glover, J. I: *The Philosophy and Psychology of Personal Identity*, London: Penguin. 1988.

Shoemaker, S. 'Persons, Animals, and Identity', *Synthese*, 2008, 163: 313–324.

Wierzbicka A. Boys will be boys: "Radical semantics" vs. "radical pragmatics". *Language*. 1987. Vol. 63. Pp. 95—114.

Апресян Ю. Д. Коннотации как часть прагматики слова // Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 156—178.

Булыгина Т. В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

Вилинбахова Е.Л., Копотев М.В. «X есть X» значит «X это X»? Ищем ответ в синхронии и диахронии. *Вопросы языкознания*. 2017. № 3. С. 110-124.

Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): Курс лекций. Минск: Издательство БГУ. 2017.

Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.